

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков

1

Как это понимать? Да ведь жизнь иногда бывает всего-навсего помощником режиссера. Нынче вечером мы отправимся в кинематограф. Назад, в тридцатые годы, и еще дальше в двадцатые, и за угол, в старый Европейский фильм-дворец. Она была прославленной певицей[1]. Не оперной, ни даже в стиле *Cavalleria Rusticana*, ничего подобного. Французы ее звали «Ля Славска». В ее манере было на одну десятую цыганщины, на седьмую – русской крестьянки (она и была из крестьян) и на пять девярых – площадной народности; под этим я разумею смесь поддельного фольклора, батальной мелодрамы и казенного патриотизма. Оставшейся доли будет как раз довольно, чтобы изобразить физическую красоту ее чрезвычайно сильного голоса.

Выйдя из самого сердца России (географически, по крайней мере), голос этот со временем достиг больших городов – Москвы, Петербурга и царского окружения, где того рода стиль был в большом почете. Ее фотография висела в уборной Шаляпина: кокошник с жемчугами, рука, подпирающая щеку, сверкающие меж пухлых губ зубы, и крупным, корявым почерком, наискось: «Тебе, Федюша». Звездообразные снежинки, обнаруживая, перед тем как подтаять по краям, свою сложную симметрию, мягко садились на плечи, на обшлага, на усы, на шапки дождавшихся в очереди открытия билетной кассы. До самой смерти она более всего дорожила (или может быть, только притворялась, что дорожила) какой-то вычурной медалькой и огромной брошью – подарком Императрицы. Их поставила ювелирная фирма, с большой для себя выгодой подносящая императорской чете на все праздники какой-нибудь символ (год от года все более дорогой) массивного самодержавия – аметистовую скалу с усыпанной рубинами бронзовой тройкой, застрявшей на ее вершине, как Ноев ковчег на Арарате, или хрустальный шар размером с арбуз, на который взгромоздился золотой орел с квадратными алмазными глазами, очень напоминающими распутинские (много лет спустя иные из менее символических предметов были выставлены Советами на Мировой Ярмарке как образцы их собственного процветающего искусства).

Если бы все и дальше шло так, как, казалось, все всегда будет идти, она, может быть, еще и сегодня пела бы в Дворянском собрании (с центральным отоплением) или в Царском, а я бы выключал ее радиоголос в каком-нибудь глухом углу мачехи-Сибири. Но судьба ошиблась поворотом, и когда случилась революция, а потом война Красных и Белых, ее расчетливая крестьянская душа выбрала ту сторону, которая была выгоднее.

Призрачные оравы призрачных казаков на призрачных же конях несутся вскачь по тающему имени помощника режиссера. Затем мы видим щеголеватого генерала Голубкова, беспечно обзирающего поле брани в театральный бинокль. Когда и мы, и кинематограф были молоды, нам в этих случаях показывали виды, аккуратно обведенные двумя соединенными кругами. Теперь не то. Вместо этого мы видим, как генерал Голубков, вся безмятежность которого вдруг разом пропала, прыгает в седло, на миг вздымается до небес на своем ставшем на дыбы коне, а затем врзается в гущу неустойчивой атаки.

Но неожиданность – это инфракрасное поле в спектре искусства: вместо условно-рефлекторного пулеметного ра-та-та издали доносится женский поющий голос. Он все приближается, приближается и наконец все собою заполняет. Великолепное контральто, крепнувшее и переходящее в подобие русской песни, найденной в подсобном архиве музыкальным режиссером. Кто это там, во главе инфракрасных? Женщина. Певучий гений этого особенно вымуштрованного батальона. Она марширует впереди всех, попирая люцерну и разливаясь песней о Волге-Волге. Дерзкий щеголь-джигит Голубков (теперь понятно, что он там разглядел в бинокль), хоть и изранен кругом, исхитряется подхватить ее на скаку и, несмотря на обольстительное ее сопротивление, унести.

Как это ни странно, жалкий этот сценарий был разыгран в действительной жизни. Я сам знал по крайней мере двух заслуживающих доверия очевидцев этого происшествия; да и часовые истории пропустили его беспрепятственно. Очень скоро мы видим, как она сводит с ума сидящих в столовой офицеров своей темной и пышной красотой и разудальными песнями. Она была Китсовой *Belle Dame* с большим запасом *Merсі*, и была в ней какая-то лихость, которой недоставало Луизе фон Ленц или

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Зеленой Лэди[2]. Это она скрасила общее отступление белых, начавшееся вскоре после ее чудесного появления в лагере генерала Голубкова. Перед нами унылое зрелище не то воронов, не то ворон, не то каких-то еще птиц, которых удалось раздобыть для этого случая, парящих в сумерках и садящихся на усеянную телами равнину где-то в Калифорнийском уезде Вентура. Мертвая рука офицера, не выпускающая медальона с портретом матери. У красного солдата, лежащего неподалеку, на изрешеченной пулями груди письмо из дому, и сквозь тающие строки проступают черты той же самой старухи.

А затем, по привычным правилам контраста, весьма кстати раздастся мощный раскат музыки и песни, и ритмичный прихлоп в ладоши, и притоп сапогами, и мы застаем штаб-офицеров генерала Голубкова в разгаре кутежа – вот гибкий грузин, отплясывающий с кинжалом; вот претенциозный самовар, в котором отражаются перекошенные лица; «Славска», откидывающая голову с грудным смехом; вот толстяк-офицер, в стельку пьяный, с расстегнутым воротом в галунах, выпучив сальные губы для зверского поцелуя, перегибается через стол (опрокинутый бокал показывают крупным планом), чтобы обнять – пустоту, ибо жилистый и абсолютно трезвый генерал Голубков ловко отвел ее в сторону, и теперь они стоят лицом к компании, и он холодно и отчетливо говорит: «Господа, я хочу представить вам свою невесту» – и в наступившей гробовой тишине шальная пуля с улицы разбивает засиневшее перед рассветом окно, вслед за чем гром аплодисментов приветствует романтическую пару.

Скорее всего ее пленение не было совершенной случайностью. Кинематограф не терпит неопределенности. Еще меньше приходится сомневаться в том, что когда начался грандиозный исход из России, и их, подобно многим другим, занесло через Сиркеджи на Мотштрассе и на рю Вожирар[3], генерал с женой уже были в одной шайке, в одной песне, в одном шифре. Он совершенно естественно сделался активным членом союза Белых Воинов (БВ)[4], часто разъезжая, учреждая военные курсы для русских мальчиков, устраивая благотворительные концерты, добывая жилье для нуждающихся, улаживая внутренние распри, и вся эта деятельность отнюдь не бросалась в глаза. Вероятно, этот союз БВ был небесполезен. Его духовному благополучию, однако, вредило то, что он не мог отгородиться от зарубежных монархических групп и, в отличие от эмигрантской интеллигенции, не чувствовал чудовищной пошлости и начатков гитлеризма в этих уморительно-жалких, но зловещих организациях. Когда благонамеренные американцы спрашивают меня, знаком ли я с полковником Имярек или с милым старым графом фон Фаронским, у меня не достаёт духу сказать им печальную правду.

Но с БВ были связаны и люди другого рода. Я имею в виду тех отчаянных смельчаков, которые помогали делу, переходя границу по плотно укутанному в снег ельнику, чтобы, побродив по родной земле под разными личинами, разработанными, как это ни странно, еще старшим поколением эсеров, преспокойно привезти обратно в маленькую парижскую кофейню под названием «Ешь Бублики» или в маленький берлинский кабачок без названия всякие полезные пустяки, которые шпионы обыкновенно поставляют тем, кто их нанял. Иные из этих людей как-то исподволь запутывались в сетях других держав и очень забавно подсакивали, если вам случалось подойти к такому сзади и хлопнуть его по плечу. Некоторые совершали эти переходы ради собственного удовольствия. Один или, может быть, двое и в самом деле верили, что каким-то таинственным путем готовят воскрешение священного, хотя и несколько затхлого, прошлого.

2

Мы теперь станем очевидцами до странного однообразной вереницы событий. Первым из председателей БВ умер вождь всего Белого движения, который был гораздо лучше всех прочих; и некоторые смутные симптомы, проявившиеся в ходе его внезапного недуга, указывали на тень отравителя. Следующий председатель, грузный, сильный мужчина с громоподобным голосом и головой, как пушечное ядро, был похищен неизвестными лицами; и есть основания предполагать, что он умер от чрезмерной дозы хлороформа. Третий[5] председатель – но катушка с моим фильмом раскручивается слишком быстро. На самом деле понадобилось семь лет, чтобы устранить первых двух – не то чтобы этого нельзя было сделать скорее, а просто имелись особые обстоятельства, требовавшие очень точного расчета, чтобы постепенное восхождение одного лица совпадало с очередным неожиданно освободившимся постом. Объяснимся.

Голубков был не просто очень разносторонним шпионом (а именно, тройным агентом); у этого господина были к тому же чрезвычайные амбиции. Только тем, у кого нет

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru любимых коньков или страстишек, может показаться странным то, что мечта возглавить организацию, бывшую всего лишь закуском над кладбищем, была так мила его сердцу. Ему этого хотелось дозарезу, только и всего. Труднее понять его уверенность в том, что ему удастся сохранить свою жалкую жизнь в столкновении двух грозных сил, рискованной поддержкой и деньгами которых он пользовался. Мне теперь понадобится все ваше внимание, – потому что жаль было бы упустить малейшую подробность этого дела.

Советскую сторону едва ли тревожила весьма маловероятная возможность того, что призрак Белой Армии когда-нибудь возобновит военные действия против их сплотившейся мощи; но их скорее всего чрезвычайно раздражало, что обрывки сведений о крепостях и фабриках, собираемые неуловимыми и назойливыми членами БВ, неизменно попадали в благодарные руки немцев. Немцев же очень мало занимали замысловатые различия в расцветке эмигрантской политики, но их бесил прямолинейный патриотизм председателя БВ, который то и дело мешал, из соображений порядочности, гладкому течению дружеского сотрудничества.

Бот почему генерал Голубков был сущей находкой. Советчики твердо верили, что под его началом шпионы БВ станут им все известны – и тогда их ловко снабдят ложной информацией, которую немцы жадно проглотят. Немцы были равным образом уверены, что с его помощью они непременно обзаведутся изрядным количеством собственных, безусловно надежных агентов, среди рядовых шпионов БВ. Ни та, ни другая сторона не питала никаких иллюзий насчет преданности Голубкова, но каждая рассчитывала обратить в свою пользу непостоянство предательства. Мечты о простых русских людях, о семьях, работающих в поте лица своего в отдаленных углах русского рассеяния, усердствующих в своем скромном, но честном ремесле, как если бы они жили в Саратове или Твери, производящих на свет худосочных детей и простодушно верящих, что БВ – это как бы круглый Стол Короля Артура, отстаивающий все, что было и будет славного, порядочного и сильного в баснословной России – такие мечты могут показаться фильмовым редакторам-хирургам наростом на основной теме.

При основании БВ кандидатура генерала Голубкова была (чисто теоретически, разумеется, так как никто не ожидал кончины главы движения) одной из последних в списке – не то чтобы офицеры не отдавали должного его легендарной храбрости, а просто он был самым молодым генералом в армии. Ко времени очередных выборов председателя Голубков уже обнаружил такие выдающиеся способности организатора, что, как ему казалось, он может без хлопот вычеркнуть из списка несколько выше его стоящих имен, сохранив таким образом жизнь их обладателям. После того как и второго генерала убрали, многие члены БВ не сомневались, что следующий кандидат, генерал Федченко, уступит более молодому и энергичному человеку привилегию, на которую ему, Федченко, давали право возраст, репутация и общее образование. Тем не менее этот пожилой господин, хотя и находил привилегию эту сомнительной, почел недостойным уклониться от поста, стоившего жизни двум людям. Так что Голубкову пришлось заново точить зубы и начинать новый подкорм.

Внешне он был невзрачен. В нем не было ничего от распространенного типа русского генерала, никакой такой добродушной, пучеглазой, толстошей дородности. Он был поджар, щупл, с заостренными чертами, усами щеточкой и волосами, стриженными ежиком. На волосатом запястье он носил тонкую серебряную цепочку и, бывало, предлагал вам аккуратные русские папиросы-самокрутки или английские, черносливом пахнущие «Капстены» (в его произношении), плотно уложенные в старой просторной папироснице черной кожи, которая прошла с ним сквозь подразумеваемый дым бесчисленных батальев. Он был в высшей степени любезен и в той же степени незаметен.

Всякий раз, когда у «Славской» бывали приемы, что обыкновенно случалось в домах ее разных покровителей (какого-то остзейского барона, или некоего д-ра Бахраха, первая жена которого была некогда знаменита в роли Кармен, или русского купца старой закалки, очень удобно устроившегося в обезумевшем от инфляции Берлине, скупая целые кварталы по десяти английских фунтов за штуку), ее молчаливый муж неприметно пробирался между гостями, предлагая вам то бутерброд с колбасой и огурцами, то заиндевелюшую стопку водки; и покамест «Славска» пела (а на таких полудомашних пирушках она как правило пела сидя, подперев щеку кулаком и поставив локоть на ладонь другой руки), он стоял в сторонке, прислонясь к чему-нибудь, или шел на цыпочках к отдаленной пепельнице, которую затем мягко ставил на туго набитый подлокотник вашего кресла.

Я считаю, что с художественной точки зрения он переигрывал незначительность

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru своей роли, невольно внося в нее элемент как бы наемного лакейства – что теперь представляется на редкость удачным; впрочем, он, конечно, пытался устроить свое существование по принципу контраста и должен был получать восхитительное удовольствие оттого, что знал наверное по некоторым приятным признакам (наклон головы, скошенный взгляд), что такой-то в дальнем конце залы обращал внимание новоприбывшего гостя на то удивительное обстоятельство, что этот неприметный, скромный человек совершал беспримерные подвиги во время легендарной войны (в одиночку брал города и прочая).

3

Немецкие кинематографические фирмы, которые в те годы (как раз перед тем, как дитя света[6] выучилось говорить) росли, как ядовитые грибы, находили очень выгодным для себя нанимать тех русских эмигрантов, единственной надеждой и профессией которых было их прошлое (иными словами, людей, абсолютно оторванных от действительности), на роли «настоящих» зрителей в фильмах. На человека щепетильного это соединение одной фантазии с другой производило впечатление Зеркальной Залы, или вернее, зеркального застенка, причем неизвестно, где стекло, а где ты сам.

И в самом деле, когда вспоминаю салоны, в которых пела «Славска», в Берлине и в Париже, и людей, которых там можно было встретить, я как будто расцветиваю и озвучиваю какую-то очень старую фильму, где жизнь серо подрагивала, на похоронах бегали рысцей, и только море было подкрашено (в иссиня-тошный цвет), а какой-то ручной аппарат за сценой не в такт имитировал шипение прибора. Некая сомнительная личность, наводивший ужас на эмигрантские благотворительные организации, плешивый господин с безуминкой во взгляде, медленно проплывает через поле моего зрения, с ногами, сложенными для сидячей позы, как пожилой зародыш, и потом чудесно вписывается в кресло в заднем ряду. Наш приятель граф тоже здесь, а с ним его стоячий ворот и потускневшие от пыли гамаша. Почтенный, но светский священник, у которого крест слегка колышется на широкой груди, сидит в первом ряду и смотрит прямо.

Номера программы этих ура-патриотических празднеств, с которыми в моей памяти связано имя «Славска», были столь же неправдоподобны, что и публика, их посещавшая. Артист варьете с псевдославянской фамилией, один из тех гитаристов-виртуозов, что выступают первым дешевым номером в эстрадных концертах, был здесь как нельзя кстати; и сверкающие украшения на его зеркально-отполированном инструменте, и его лазурного цвета шелковые штаны прекрасно гармонировали с остальными атрибутами этого действия. Потом какой-нибудь бородатый старый хрыч в поношенной визитке, бывший член общества «За Святую Русь», открывал вечер речью, в которой красочно описывал, что делают с русским народом разные фармазоны и гершензоны (два тайных семитских племени).

Ну а теперь, дамы и господа, нам доставляет особенное удовольствие... – и вот она стоит на жутком фоне фикусов и национальных флагов и проводит бледным языком по густо-накрашенным губам, небрежно сцепив затянутые в лайку руки на затянутом в корсет животе, а ее постоянный аккомпаниатор с беломраморным лицом, Иосиф Левинский, который был с ней, в тени ее песни, и в собственной концертной зале императора, и с салоне товарища Луначарского, и в неудобосказуемых местах в Константинополе, играет краткую вступительную серию словно сбегаящих по лестнице нот.

Иногда, если аудитория была подходящая, она сначала пела русский гимн, а уж потом приступала к своему ограниченному, но пользовавшемуся неизменным успехом репертуару. Тут непременно бывала унылая «Старая Калужская дорога» (где в сосну ударяет молния на сорок девятой версте), и та, что начинается (в немецком переводе, напечатанном под русским текстом) «Du bist im Schnee begraben, mein Russland»[7], и старинная народная песня (сочиненная одним частным лицом в восьмидесятые годы) о вожде разбойников и его персидской красавице-княжне, которую он бросил в Волгу, когда его ватага обвинила его в мягкотелости.

Художественного вкуса у нее не было никакого, техника расхлябанная, манера исполнения отвратительная; но все, для кого музыка и переживания неразделимы, кто любит, чтобы песни были медиумами для духов обстоятельств, при которых они были когда-то впервые услышаны тобой, с благодарностью находили в сильных переливах ее голоса ностальгическое утешение и вместе удовлетворение патристического чувства. Считалось, что она особенно хороша, когда в ее пении звучала лихая бесшабашность. Если бы эта ее удаля не была такой грубой

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru подделкой, она еще могла бы избежать крайней степени пошлости. Ее душа, маленькая, жесткая, торчала из песни, и самое большее, на что ее темперамент был способен, это произвести рябь на поверхности – на вольный поток его не хватало. Когда теперь, в каком-нибудь русском семействе, заводят патефон и я слышу ее грамофонное контральто, я не без содрогания вспоминаю, как фальшиво она притворялась, что достигла высшего вокального экстаза, в последнем страстном вопле выставляя напоказ анатомию своего рта, причем ее вороньи волосы красиво лежат волнами, скрещенные руки прижаты к нагрудной медальке на ленте, она принимает бешеные рукоплескания, и ее дородное, смугловатое тело не сгибается даже тогда, когда она кланяется, потому что умято в прочный серебристый атлас, в котором она кажется повелительницей снегов или почетной русалкой.

4

В следующем эпизоде вы видите ее (если цензор не сочтет, что он задевает чувства верующих) стоящей на коленях в медовом мареве набитой людьми русской церкви и навзрыд плачущей рядом с женой или вдовой (она-то, впрочем, это знала совершенно точно) генерала, похищение которого было так замечательно продумано ее мужем и так ловко произведено умелыми, безымянными верзилами, посланными хозяином в Париж.

Затем вы видите ее уже года через два или три; она поет в каком-то апартаменте на улице Жорж Занд, в окружении поклонников – обратите внимание на то, как слегка сузились ее глаза, как потухает ее сценическая улыбка, когда муж, которого задержало обсуждение последних деталей предстоявшего дела, тихонько проскальзывает в комнату и мягким жестом отклоняет поползновение полковника с проседью уступить ему стул; и сквозь машинальное течение песни, исполняемой в десятикратном раз, она неотрывно смотрит на него (она, как Анна Каренина, немного близорука), пытаясь разглядеть какой-нибудь определенный знак, а потом, когда она тонет, а его крашенные челны уплывают, и последняя, красноречивая, кругами разбегающаяся рябь на Волге, в Самарском уезде, растворяется в серой вечности (ибо это ее самая последняя песня – больше ей уж не петь), ее муж подходит к ней и говорит голосом, которого не может перекрыть никакой плеск человеческих рук: «Маша, завтра дерево будет срублено!»

Эта фраза была единственным драматическим жестом, который Голубков позволил себе в продолжение своей голубино-сизой карьеры. Несдержанность эта покажется простительной, если вспомним, что это был последний генерал на его пути и что событие следующего дня должно было автоматически привести его к избранию в председатели. В последнее время их друзья беззлобно подтрунивали (русский юмор что пичужка, которая и крошкой сыта бывает) над забавной небольшой размолвкой между этими двумя взрослыми детьми: она капризно требовала срубить гигантский старый тополь, застывший окно ее комнаты в их летнем загородном доме, а он твердил, что кряжистый старик самый зеленый из ее поклонников (вот умора-то!), поэтому его надо пощадить. Заметьте также добродушное кокетство, с каким полная дама в горностаевой пелерине выговаривает галантному генералу за то, что он так скоро уступил, и лучезарную улыбку «Славской», и ее распахнутые, студенисто-холодные руки.

На другой день, под вечер, генерал Голубков привел жену к ее портнихе, посидел там с номером «Пари-Суар», а потом был послан домой за одним из платьев, которое она хотела сделать посвободней, да забыла взять с собой. Через подходящие промежутки времени она разыгрывала более или менее убедительные инсценировки телефонных переговоров, с великими подробностями руководя его поисками. Армянка-портниха и беловейка, маленькая княгиня Туманова, очень потешались разнообразием ее престопадных ругательств (которые приходили на подмогу ее иссякающему воображению, не справлявшемуся с ролью в одиночку). Это протертое до дыр алиби не предназначалось для латания прошедших времен, если что-нибудь сорвется – ведь сорваться ничего не могло; его придумали просто для того, чтобы снабдить человека, которого никоим образом никто не мог заподозрить, перечнем заурядных поступков, когда пожелают выяснить, кто видел генерала Федченко последним. После того как изрядное количество воображаемых шкапов было обшарено, Голубков явился с платьем (разумеется, загодя положенным в автомобиль). Он опять взялся за газету, в то время как его жена продолжала примерять туалеты.

5

Тридцати пяти приблизительно минут, в течение которых он отсутствовал, оказалось вполне достаточно. К тому времени, когда она начала разыгрывать фарс с мертвым телефоном, он уже подобрал генерала на малолюдном углу и вез его на вымышленное

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru деловое свидание, обстоятельства которого были заранее сфабрикованы таким образом, чтобы его секретность выглядела естественной, а участие в нем – необходимым. Через несколько минут он затормозил, и они оба вышли из автомобиля. «Это не та улица», – сказал генерал Федченко. «Да, – сказал генерал Голубков, – но здесь удобнее оставить автомобиль. Незачем держать его прямо перед кафе. Этим переулком мы срежем угол. Тут всего две минуты пешком». «Что ж, идемте», – сказал старик и кашлянул.

В этой части Парижа улицы носили имена философов, и переулок, по которому они шли, был назван каким-то начитанным муниципальным деятелем рю Пьер Лябим[8]. Он плавно вел вас мимо темной церкви и строительных подмостьев к каким-то частным домам со ставнями, стоявшим где-то на отшибе, окруженным палисадниками за железной оградой, на которой умиравшие кленовые листья задерживались, слетая с голой ветки на мокрую панель. По левой стороне этого переулка шла длинная стена, серую шероховатость которой там и сям прерывали кирпичные крестословицы; в одном месте этой стены имелась небольшая зеленая дверь.

Когда они подошли к ней, генерал Голубков достал свою выдавшую виды папиросницу и остановился, чтобы закурить. Генерал Федченко, хоть и не курил, из вежливости остановился тоже. Порывистый ветер ерошил сумерки, и первая спичка погасла. «Мне все-таки кажется, – сказал генерал Федченко по поводу какого-то мелкого дела, которое они незадолго перед тем обсуждали, – мне все-таки кажется, – сказал он (чтобы сказать что-нибудь, пока он стоял у этой зеленой дверцы), – что если отец Федор непременно желает платить за все эти комнаты из своих средств, то мы по крайней мере должны обеспечить уголь». Вторая спичка тоже погасла. Спина прохожего, удалявшегося в туман, наконец растворилась в нем. Генерал Голубков зычно выбранил ветер, и по этому довольно прозрачному сигналу зеленая дверь отворилась, и три пары рук с неимоверной быстротой и сноровкой уволокли старика. Дверь захлопнулась. Генерал Голубков закурил папиросу и торопливо зашагал в обратном направлении.

Старик как в воду канул. Скромные иностранцы, снимавшие некий скромный домик в продолжение одного безмятежного месяца, были невинными голландцами или датчанами. Все было оптическим обманом, и только. Никакой зеленой двери нет, зато есть серая, открыть которую нельзя никакими человеческими силами. Тщетно я просматривал самые лучшие энциклопедии – философа по имени Пьер Лябим не существует.

Но я заметил что-то жабье, появившееся в ее взгляде. Есть русская поговорка: всего двое и есть – смерть да совесть. Человеческой природе свойственна одна чудесная черта: можно иногда не заметить своего хорошего поступка, но всегда знаешь, что поступил дурно. Один страшный преступник, жена которого была еще хуже его, поведал мне как-то, во дни, когда я еще был священником, что больше всего его угнетает внутренний стыд оттого, что еще более глубокий стыд не позволяет ему поговорить с ней вот о какой дилемме: презирает ли она его в глубине души или, может быть, втайне подозревает, что он презирает ее в глубине своей души. Вот отчего я так хорошо знаю выражение лица генерала Голубкова и его жены, когда они, наконец, остались наедине.

6

Ненадолго, однако. Около десяти часов вечера генерал Л., секретарь БВ, был оповещен генералом Р., что жена Федченко чрезвычайно обеспокоена необъяснимым отсутствием мужа. Тут только генерал Л. вспомнил, что около полудня председатель сказал ему как-то невзначай (таков, впрочем, был его обычай), что у него вечером есть дело в городе и что если он не вернется к восьми часам, то просил бы генерала Л. прочитать записку, оставленную им в среднем ящике своего письменного стола. Оба генерала бросились было в контору Союза, не добежав, остановились, бросились обратно за ключами, забытыми генералом Л., помчались обратно и, наконец, нашли записку. Она гласила:

«Меня одолевает странное предчувствие, которого потом, м. б., буду стыдиться. У меня назначено свидание в половине шестого в кофейне на улице Декарта, 45. Я должен встретиться с осведомителем противной стороны. Подозреваю западню. Все дело устроено генералом Голубковым, который везет меня туда в своем автомобиле».

Опустим то, что сказал генерал Л. и что ему ответил генерал Р.; очевидно, однако, что они оба были тугодумы, потому что потеряли еще несколько времени в сбивчивых переговорах по телефону с негодующим хозяином кофейни. Дело шло к

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru полуночи, когда «Славска», одетая в цветастый халат и пытающаяся выглядеть заспанной, впустила их в квартиру. Ей не хотелось беспокоить мужа, который, по ее словам, уже спал. Она желала знать, в чем дело и не случилось ли чего худого с генералом Федченко. «Он исчез», – сказал прямодушный генерал Л. «Славска» сказала «Ах!» и грохнулась замертво, перебив по пути несколько предметов в гостиной. Вопреки мнению большинства ее почитателей, сцена не так уж много потеряла.

Каким-то образом генералы умудрились не проговориться Голубкову о записке, так что когда он вместе с ними пришел в штаб БВ, он был уверен, что они и вправду желали обсудить с ним вопрос о том, известить ли полицию немедленно или лучше сначала обратиться за советом к восьмидесяти-восьми-летнему адмиралу Громобоеву, который по какой-то загадочной причине считался Соломоном союза.

– Что это значит? – сказал генерал Л., подавая Голубкову роковую записку. – Потрудитесь прочесть, пожалуйста.

Голубков потрудился – и тотчас понял, что все пропало. Не станем заглядывать в пропасть его ощущений. Он отдал записку и пожал худыми плечами:

– Если только это действительно написано генералом, – сказал он, – а почерк, надо признать, очень напоминает его руку, то могу только сказать, что кто-то выдает себя за меня. Впрочем, я имею все основания полагать, что адмирал Громобоев снимет с меня подозрение. Предлагаю отправиться к нему безотлагательно.

– Да, – сказал генерал Л., – пожалуй, надо идти теперь, хотя уже очень поздно.

Генерал Голубков одним махом облачился в свой макинтош и вышел первым. Генерал Р. помог генералу Л. подняться с полу кашне, наполовину соскользнувшее с одного из тех стульев в прихожей, которым суждено служить не людям, а вещам. Генерал Л. вздохнул и надел старую фетровую шляпу, осторожно держа ее при этом обеими руками. Он направился к двери. «Одну минуту, генерал, – сказал генерал Р., понизив голос. – Позвольте вас спросить. Как офицер офицеру, совершенно ли вы уверены в том, что... гм, что генерал Голубков говорит правду?»

– А вот это-то мы и выясним, – ответил генерал Л., принадлежавший к числу людей, которые полагают, что всякая грамматически связная фраза обладает смыслом.

Перед дверью каждый из них деликатно дотронулся до локтя другого. Наконец, тот, кто был чуть старше, согласился воспользоваться этой привилегией и бодро вышел. Потом оба они задержались на площадке, потому что лестница показалась им что-то уж очень тихой. «Генерал!» – крикнул генерал Л. в направлении нижних этажей. После чего они поглядели друг на друга. После чего они торопливо, неуклюже затопали вниз по неказистым ступенькам, выскочили наружу, остановились под черным, морозящим дождиком, поглядели туда-сюда, а потом опять друг на друга.

Ее арестовали рано утром. Во время дознания она ни разу не отступила от своей роли пораженной горем невинности. Французская полиция распутывала возможные путеводные нити дела на удивление вяло, словно бы считая исчезновение русских генералов каким-то курьезным туземным обычаем, восточным феноменом, как бы растворением в воздухе, чему, положим, случаться и не полагается, но чего предотвратить все равно невозможно. Впрочем, подозревали, что Suretée знала подноготную этого трюка с исчезновением лучше, чем дипломатические соображения позволяли это обсуждать. Иностранные газеты освещали всю эту историю в благодушно-насмешливом тоне, с легким налетом скуки. И вообще «L'affair Slavska» не наделало много шума – русские эмигранты определенно перестали привлекать к себе внимание. По забавному совпадению и немецкое телеграфное агентство, и советское сухо сообщили, что два белогвардейских генерала в Париже сбежали с казной Белой Армии.

7

Судебное разбирательство было на редкость неубедительным и запутанным, свидетели явно не блистали, и приговор «Славской» по обвинению в похищении был, с юридической точки зрения, небесспорен. Посторонние мелочи затемняли суть дела. Случайные люди вспоминали неслучайные детали, и наоборот. Был предьявлен счет «за срубленное дерево», подписанный каким-то хуторянином Гастоном Куло. Генералов Л. и Р. вконец измотал садист-адвокат. Парижский clochard, из тех

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru колоритных, багровоносых, небритых субъектов (вот, кстати сказать, нетрудная роль), которые все свое земное имущество носят в поместительных карманах, а ноги укутывают в несколько слоев разодранных газет, когда лишатся последнего носка, и которых видишь удобно сидящими, широко раздвинув ноги, с бутылкой вина, привалившись к полуразрушенной стене недостроенного здания, дал леденящее показание, что с того места, где он находился, ему хорошо было видно, как лихо отделявали какого-то старика. Две русские дамы, одна из которых незадолго перед тем лечилась от сильных истерических припадков, сказали, что в день преступления видели, как генерал Голубков и генерал Федченко едут в автомобиле Голубкова. Русский скрипач, сидя в вагоне-ресторане немецкого поезда... – но к чему пересказывать все эти несуразные слухи.

В нескольких заключительных эпизодах мы видим «Славску» в тюрьме. Вот она смиренно вяжет в уголке. Вот пишет закапанные слезами письма мадам Федченко, в которых говорит, что теперь они стали как бы сестры, потому что и у той и у другой муж захвачен большевиками. Вот просит, чтобы ей разрешили пользоваться губным карандашом. Плачет и молится на руках бледной юной русской монахини, пришедшей поведать ей о своем видении, в котором ей открылось, что генерал Голубков невиновен. Умоляет дать ей Новый Завет, который полиция конфисковала, – главным образом для того, чтобы он опять не попал в руки экспертов, так удачно начавших было расшифровывать некие пометы на полях Евангелия от Иоанна. Вскоре после начала Второй мировой войны у нее обнаружилось какое-то непонятное внутреннее заболевание, и когда однажды летним утром три немецких офицера пришли в тюремный лазарет, чтобы незамедлительно с ней увидеться, им сказали, что она умерла, – и, возможно, так оно и было на самом деле.

Интересно, удалось ли ее мужу как-нибудь дать ей знать о своем местонахождении или он решил, что безопаснее будет бросить ее на произвол судьбы. Куда же он делся, бедный perdu? Зеркала вероятий не заменят глазка точных сведений. Может быть, он нашел прибежище в Германии и получил там мелкую канцелярскую должность в Бедкеревском Училище Молодых Шпионов. Может быть, вернулся в страну, где когда-то брал в одиночку города. А может быть и нет. Может быть, его вызвал к себе тот, кто был его самым главным начальником, и сказал (с тем легким иностранным выговором и с той подчеркнуто-холодной вежливостью, которые мы все так хорошо знаем): «Боюсь, друг мой, что вы нам более ные нужны» – и когда N. поворачивается и идет к двери, холеный палец д-ра Пуппенмейстера нажимает кнопку с края равнодушного письменного стола, и под ногами N. разверзается люк, и он проваливается туда и погибает («слишком много знает»), – или ломает лучевую кость, проломив потолок и свалившись прямо в гостиную пожилой четы этажом ниже.

Так или иначе, представление окончено. Вы помогаете своей подружке надеть пальто и вливаетесь в медленный поток стремящихся к выходу вам подобных. Пожарные двери ведут на неожиданные задворки ночи, вбирая в себя ближние людские ручейки. Если вы, как и я, чтобы не заблудиться, предпочитаете выбираться наружу тем же путем, что пришли, то вы опять пройдете мимо рекламных плакатов, казавшихся два часа тому назад такими заманчивыми. Русский кавалерист в полупольском мундире свешивается со своей поло пони и подхватывает свою зазнобу в красных сапожках, с черными локонами, высыпающимися из-под каракулевой кубанки. Триумфальная Арка прислонилась к Кремлю с его распльвчатыми куполами. Генерал Голубков передает кипу секретных бумаг агенту некоей иностранной державы, у которого в глазу монокль... Ну-ка, живее, дети, выйдем отсюда в трезвую ночь, в шаркающий покой знакомых панелей, в надежный мир хороших веснушчатых мальчиков и духа товарищества. Здравствуй, явь! Эта осязаемая папироска должна подкрепить нас после всей этой действующей на нервы ерунды. Вон, видите, идущий впереди нас худой, щеголеватый мужчина тоже закуривает, постучав своей «луки-страйкой» [9] по крышке старой кожаной папиросницы.

Бостон, 1943 г.

Примечания

1 В библиографической справке к «Набоковой дюжине» (1958) Набоков замечает, что это единственный его рассказ, основанный на действительных происшествиях. Процесс генерала Скоблина и певицы Плевичкой был очень громким. В эмигрантской печати в то время писали, что Скоблина видели в Барселоне, потом он будто бы вынырнул в Хабаровске. В книге Костикова «Не будем проклинать изгнание» (цитата из статьи Набокова «Юбилей», напечатанной в берлинской газете «Руль» 18-го ноября 1928-го года) – где со ссылкой на сведения, полученные как будто в архивах чекистов, прямо и, кажется, в первый раз признается, что Скоблин и

Помощник режиссера. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Плевицкая были наемными советскими агентами (под кличками «Фермер» и «Фермерша»), устроившими похищение генералов Кутепова и Миллера, – ничего, однако, не говорится о дальнейшей участи Скоблина.

2 Зеленая Лэди – из Артурова романа о Зеленом Рыцаре и Гавэйне, которого она безуспешно пыталась соблазнить. Кто такая «Луиза фон Ленц», сказать не могу и подозреваю, что здесь прячется анаграмма.

3 Т. е. через Константинополь в те кварталы Берлина и Парижа, где селились русские эмигранты.

4 Подразумевается Российский Общевоинский Союз.

5 Имеются в виду барон Врангель и генералы Кутепов и Миллер, из которых первый был, по-видимому, отравлен, а двое других похищены и убиты чекистами.

6 Т. е. проекционного света, конечно, а не du monde.

7 «Замело тебя снегом, Россия» (нем.)

8 l'Abîme значит «пропасть» по-французски.

9 Lucky Strike, марка дешевых американских папирос, в произношении, искаженном русским акцентом.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!